

В статье приводятся результаты исследования пространств локализации преступности в России. Предлагается модель длительного влияния характеристик среды на формирование и осуществление преступного умысла. На примере районов Pruitt-Igou (Сент-Луис) и Бильмера (Амстердам) рассматриваются предпосылки их криминальности и анализируются методы реконструкции. На основе выявленных методов предлагается модель реконструкции района Ново-Ленино в Иркутске, учитывающая историческую динамику района и его уникальность. /

Ключевые слова: социально неблагополучные районы; локализация преступности; градостроительная реабилитация; Ново-Ленино. /

The results of a crime localization study in Russian cities are presented. A long-term model of urban environment influence on criminal intent is proposed. Social and spatial causes of rising criminal level and later urban reconstruction methods are shown on the example of Pruitt-Igou (St. Louis) and Bijlmer (Amsterdam) districts. A model for the reconstruction of the Novo-Lenino district in Irkutsk is proposed. Measures have been developed considering the historical dynamics of the region and its unique features.

Keywords: socially disadvantaged areas; crime localization; urban rehabilitation; Novo-Lenino.

Ново-Ленино: градостроительная реабилитация / Novo-Lenino: criminal activity and rehabilitation

текст
Фёдор Кудрявцев
Елена Токарева /
text
Fedor Kudryavtsev
Elena Tokareva

В истории России XX век стал эрой урбанизации, временем увеличения количества городов, их территории и людности, доли городского населения. Сегодня жизнь 73% населения нашей страны во многом определяется пространством и территориями городов, ставших для них новой, искусственной средой жизнедеятельности. Эта среда способна столь же сильно влиять на условия жизни людей, как и природные условия и ландшафты во времена аграрного общества. Влияние может быть различным и, к сожалению, далеко не всегда положительным: города – не только центры притяжения большого числа людей, место реализации их талантов и возможностей. Психологический стресс, вызванный неблагоприятной физической средой городов, способен вести к формированию сообществ, склонных к асоциальным девиантным [1] поведенческим моделям, к которым относится и криминальное поведение. Его избирательная локализация и концентрация в городском пространстве может рассматриваться как градостроительный феномен, так как прослеживается в пространственных структурах различного масштаба, от жилых районов до системы расселения в целом.

Согласно результатам исследования, проведенного авторами на основе открытых данных статистики МВД о регистрируемой преступности за 2012 год¹, в России наибольший уровень преступности отмечался в крупных и крупнейших городах (рис. 1, 2). В среднем 40% таких городов имели высокий показатель числа зарегистрированных преступлений на тысячу жителей, в то время как в городах-миллионниках он был по преимуществу средним. Исключением является город Пермь с населением 1 миллион человек, по уровню преступности занимавший третью позицию среди городов России.

Картографирование полученных результатов выявило закономерности локализации преступности на уровне системы расселения (рис. 3). На основе экономико-географических признаков [2] среди крупных и крупнейших городов с высоким уровнем криминальной активности были выделены следующие группы: портовые города, города восточной части России (Дальневосточного, Сибирского и Уральского федерального округов), часть индустриальных городов Приволжского и Северо-За-

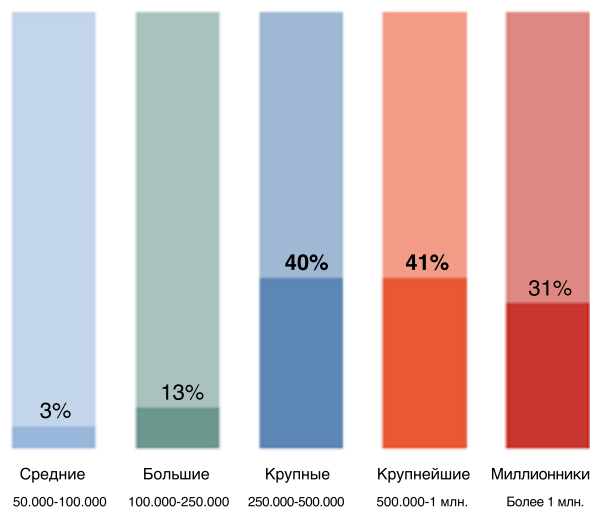
падного федеральных округов и города Центрального федерального округа с преобладающим количеством непромышленных функций.

Наиболее ярким свидетельством предрасположенности городского пространства к стимулированию криминальной активности являются районы с высоким уровнем регистрируемой преступности. Некоторые из них в свое время получили широкую известность благодаря произведениям литературы и кинематографа – нью-йоркские Гарлем и Бронкс, московские Хитров рынок или Марьяна Роща, петербургская Лиговка, бразильские фавелы. Однако если в этих случаях еще можно было бы говорить о стихийности формирования таких мест, появлении их в результате отсутствия градостроительного планирования и социальных проблем общества, то в недавней истории градостроительства XX века есть многочисленные примеры превращения экспериментальных, считавшихся передовыми для своего времени новых городских районов и целых городов в опасные и социально неблагополучные. Наиболее известным из них, пожалуй, можно считать район Pruitt-Igou в Сент-Луисе (США), но список весьма велик. Здесь и Северное Чертаново в Москве [3], и Тулуз-ле-Мирай во Франции [4], и Бильмер в Нидерландах [5]. Такие районы есть и в современной России, были они и в СССР – например, район завода «Теплоконтроль» в Казани, в середине 1970-х годов давший начало печально известному «казанскому феномену» [6]. Появляются и новые опасные тенденции формирования в российских городах территорий, контролируемых преступными сообществами [7].

В число таких районов, к сожалению, можно включить и район Ново-Ленино в Иркутске. Мы не можем утверждать, что его архитектурно-градостроительные характеристики являются исключительным примером благоприятных условий для развития криминального поведения жителей. Однако выбор Ново-Ленино в качестве объекта для анализа и разработки проектных предложений и методики для реабилитации таких районов в других городах не случаен. Эта территория города на протяжении многих лет указывается в отчетах МВД [8] как район с одним из самых высоких уровней преступности в городе. Сложившийся негативный образ района усугубляет соци-

¹ Рис. 1. 50 городов России с наиболее высоким уровнем преступности на тысячу жителей, распределенных по критерию людности (2012)

1. Более поздние статистические данные приводятся по отдельным городам и регионам, что значительно затрудняет проведение исследование в масштабах страны

^ Рис. 2. Доля городов в разных группах людности, вошедших в число 50 с наиболее высоким уровнем преступности, от их общего количества в группе (2012)

^ Рис. 3. Социально-экономический профиль крупных и крупнейших городов России с высоким уровнем преступности

альную и экономическую сегрегацию, препятствуя его развитию и улучшению ситуации. Ново-Ленино является достаточно типичным примером отдаленного неблагополучного района, ставшего местом локализации преступности в результате воздействия ряда факторов, в том числе пространственных. Сам же Иркутск по показателям численности населения и количества преступлений на тысячу жителей является типичным представителем крупных и крупнейших городов восточной части России, в которых высокий уровень преступности наблюдается повсеместно. Выявление и устранение негативно влияющих пространственных характеристик для реабилитации района Ново-Ленино и является основной задачей его исследования.

Методика исследования включает построение теоретической модели влияния городского пространства на развитие криминального поведения, выявление на ее основе структуры пространственных характеристик, способных оказывать негативное влияние, проверку предложенной структуры на основе сравнительного анализа функционально-пространственной организации районов с высоким уровнем криминальной активности, в том числе Ново-Ленино. В исследовании также проведено сопоставление динамики развития рассматриваемых районов с целью определения взаимосвязи между выявленными пространственными характеристиками и развитием негативных социальных изменений под их влиянием. Общая теоретическая модель длительного влияния городского пространства на развитие криминального поведения разработана на основе анализа, сопоставления и обобщения различных теорий, предложенных ранее в России и за рубежом.

В обыденной жизни рассматриваемые в исследовании городские территории часто называют просто криминальными районами; такое определение удобно, но несправедливо по отношению к их жителям и не объективно с точки зрения формулировки проблемы. Эти районы не были спроектированы с целью способствовать возникновению там преступных сообществ или создать условия для совершения преступлений. Их появление было вызвано задачей создать благоприятные условия для жизни людей. Но реализованные в них архитектурно-

градостроительные решения в определенных социально-экономических условиях оказались своего рода «слабым звеном», сделавшим эти городские пространства невольным инструментом мотивации к криминальному поведению и удобным местом совершения преступлений. По этой причине в исследовании такие районы определены как районы с высоким уровнем криминальной активности или высоким уровнем регистрируемой преступности.

Имеет ли проблема существования таких районов отношение к работе архитекторов и градостроителей? Л. Вирт в работе «Урбанизм как образ жизни» [9] определил закономерности длительного влияния условий жизни в городе на индивидуальное самочувствие горожан и их поведение. Высокая плотность городского населения, ее возрастание с увеличением размеров города и социальная неоднородность вызывают у людей ощущение изолированности. В качестве ответной реакции на анонимность городского образа жизни и обезличенность социальных связей возникает отчуждение личности, формирование анонимных, не признающих общепринятые нормы, сообществ и мотивация к антисоциальным действиям. По мнению Вирта, не только отдельные части города, но и город в целом способен быть источником стресса, ведущего к отчуждению и последующим девиациям. Причиной могут быть низкое качество городской среды, недостаток социальной инфраструктуры, неблагоприятное экологическое состояние, долгие поездки на работу, унылая однообразная застройка – характеристики, влияющие на эмоциональное состояние человека.

Социолог С. Милграм развил данную концепцию и сделал вывод, что большой город – это среда, к которой человек вынужден приспосабливаться, а поведенческие особенности жителей таких городов являются реакцией на условия жизни [10].

Пространственная концентрация преступности, анклавов социальной нестабильности и бедности – все это результат не только устройства социальной системы города, но и организации пространства и его влияния на человека и общество, порой лишенных выбора и вынужденных жить в неблагополучных районах.

^ Рис. 4. Модель длительного влияния городского пространства на развитие криминального поведения. Пунктиром отмечен период влияния градостроительных характеристик

Первоначально теоретические подходы в области предотвращения преступлений методами изменения пространственной среды (I поколение теорий CPTED – crime prevention through environment design, основанное в 1960-е годы Р. Джеффри и О. Ньюманом, теория «ситуативного предупреждения преступлений» Р. Кларка и другие работы таких авторов, как Д. Уилсон и Д. Келлинг, Л. Козн и М. Фельсон) преимущественно рассматривали вопрос ее влияния на планирование и непосредственный момент преступления. Второе поколение CPTED (Дж. Кливленд, Г. Савилл) существенно шагнуло вперед, добавив к необходимым мерам предотвращения преступности работу над созданием местных сообществ. Понимание взаимодействия преступности и пространства было ограничено изучением характеристик среды, делающих ее более удобной для совершения преступления и неблагоприятной для взаимодействия между жителями, не рассматривая территорию района как часть города. Однако, как показал практический опыт реконструкции районов с высоким уровнем криминальной активности и знания таких дисциплин, как социология и психология, проблема концентрации преступности в них заключается в более сложной взаимосвязи между градостроительной структурой и социальной жизнью общества. Эта взаимосвязь проявляется задолго до момента планирования преступления или другого антисоциального действия в виде стресса, вызванного окружающей пространственной и социальной средой.

Недавно предложенное третье поколение теории предотвращения преступлений методами проектирования пространственной среды [11] объединяет ситуационный подход традиционного CPTED и социальный фокус второго поколения, поставив в центр рассмотрения жизнеспособность района (livability). Основываясь на концепции иерархии потребностей А. Маслоу, авторы третьего поколения CPTED указывают на необходимость предоставления жителям не только возможностей удовлетворения базовых потребностей – безопасности и чувства принадлежности к обществу, являвшихся ключевыми целями первых теорий, но и достижения личных стремлений, улучшения качества жизни.

^ Рис. 5. Развитие теоретических подходов в области предотвращения преступлений методами изменения пространственной среды

Опираясь на вышеописанные исследования в области социологии, психологии, девиантологии, криминологии, а так же трех поколений CPTED и других теорий влияния пространства на преступное поведение, авторами исследования, представленного в данной статье, предлагается новая модель длительного влияния характеристик среды на формирование и совершение преступного умысла (рис. 4). Для ее построения стадии развития криминального поведения, выявленные в социальных науках, были сопоставлены с областями их изучения как объекта воздействия средствами проектирования, что выявило неполноту большинства существующих теорий предотвращения преступлений методами изменения характеристик среды: они затрагивают только часть возможного периода их потенциального влияния. Последнее поколение CPTED охватывает наиболее длительный период, однако его методы не затрагивают городской масштаб проблемы (рис. 5).

Результаты исследований в перечисленных выше дисциплинах позволили определить два уровня характеристик городского пространства, способствующих развитию криминального поведения.

1. Градостроительные характеристики. Изолированность территории, монофункциональное зонирование, отсутствие системы зеленых и общественных пространств способны ограничивать взаимодействие между жителями и увеличивать риск формирования социальных девиаций. Воздействие градостроительных характеристик происходит на ранних этапах формирования преступного умысла посредством создания условий для появления мотивации и формирования сообществ, характеризующихся распадом общепринятых социальных норм и ценностей.

Стигматизация, зачастую свойственная периферийным районам массового жилья, еще один фактор, имеющий практически такое же негативное влияние, как и реальный уровень преступности. Сложившийся образ неблагополучного района усугубляет социальную сегрегацию, заставляя жителей города выбирать его для жизни только по остаточному принципу – в случае невозможности купить или арендовать жилье в более благополучных районах. Это ведет к концентрации на территории района наименее стабильных социальных групп, легче поддающихся вовлечению в преступную деятельность.

^ Рис. 6. Пруитт-Айгоу в Сент-Луисе, США. –
URL: <http://derarchitektbda.de>

^ Рис. 7. Пруитт-Айгоу, вандализация общественных пространств. –
URL: <https://www.wsws.org>

Пространственная и экономическая сегрегация района относительно всего города, слабая социальная сплоченность жителей – основные причины концентрации преступности в его пространстве. Как отмечает К. В. Кияненко, наибольшее негативное влияние сегрегация жителей в пространстве города оказывает на менее обеспеченные слои населения. Коммерчески привлекательное для застройщиков разделение жилых районов по уровню доходов жителей ведет к формированию анклавов бедности [12].

2. Характеристики дизайна городской среды. Степень воздействия данного уровня ограничивается созданием или устранением условий, позволяющих беспрепятственно совершить преступление. Непросматриваемые, неконтролируемые пространства имеют большую вероятность стать местом криминального происшествия. Обеспечение наблюдения, контроля доступа, территориальности (принадлежности), содержание в порядке среды района являются ключевыми факторами обеспечения безопасности на данном уровне.

В частности, желание проектировщиков массового модернистского жилья 1950–1960-х гг. открыть городскую среду для природы – добавить чистый воздух, свет, открытые зеленые пространства – привело к достаточно жесткому делению территории районов города на крупные функциональные зоны повседневной жизни, работы, отдыха и транспорта. Впоследствии это негативно сказалось как на их социально-экономическом положении, так и, позже, безопасности. Подобные открытые пространства подвержены большинству негативных влияний, описанных в существующих теориях предотвращения преступлений посредством изменения пространственных характеристик. Отсутствие связанной с коммерцией активности на улицах снижает возможность постоянного контроля и вероятность появления так называемого «случайного наблюдателя», а слишком большие открытые территории создают сложность их контроля и поддержания в порядке. Выявленные характеристики отчетливо заметны в районах, ставших местом концентрации криминальной активности вскоре после их строительства, несмотря на зачастую высокую оценку проектов экспертами.

Пруитт-Айгоу, Сент-Луис

Наиболее известным примером жилого района, ставшего анклавом преступности и социальной нестабильности, является район Пруитт-Айгоу в городе Сент-Луис (США) (рис. 6). Модернистский социальный жилой комплекс спроектировал в 1950-е годы архитектор Минору Ямасаки, известный также как автор башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Проект был высоко оценен экспертами и даже получил первую премию на конкурсе «Архитектурный форум» [13]. Первые жители заселились в 1956 году, а уже к 1960-му район стал напоминать гетто.

Предполагалось, что в районе будет жить молодежь среднего класса; темнокожее население – в одной части района, белое – в другой. С отменой в 1954 году в жилищной политике принципа расовой сегрегации белое население почти полностью покинуло район. Плата за коммунальное обслуживание после этого полностью легла на малообеспеченные семьи, которые не смогли переехать в другие районы. Неоплата счетов привела к деградации коммунальной инфраструктуры.

Помимо социальной сегрегации, свою роль сыграли и градостроительные характеристики. Слабая интеграция района в структуру города, недоступность транспорта, недостаточная обеспеченность инфраструктурой и рабочими местами – пространственные характеристики, свойственные и другим примерам подобных районов. Сформировавшийся образ неблагополучного района, кроме того, не отвечающего потребностям жителей, лишил Пруитт-Айгоу возможности привлечь обратно средний класс, став местом концентрации бедности и неблагополучия.

На примере Пруитт-Айгоу хорошо видно и значение дизайна среды. Излишнее количество общественных пространств (просторные коридоры, предполагавшиеся для общения жильцов, «ничьи» пространства совместного пользования первых этажей) и плохое качество рекреационных зон привели к их запустению и скорой вандализации (рис. 7). Позже жители вспоминали, что женщинам приходилось собираться в группы, чтобы безопасно отвести детей в школу. Неконтролируемые и никому не принадлежащие общественные пространства стали местом развития преступности.

^ Рис. 8. Бильмер, Амстердам. Общий вид (1975). — URL: <https://www.amsterdam.nl/stadsarchief>

^ Рис. 9. План Бильмера (1992). – URL: <https://saboadvies.nl>

Криминальная обстановка в районе к 1970-му достигла своего предела: полиция отказывалась приезжать на вызовы из этого района, попытки улучшить ситуацию оказались безуспешными. Было принято решение снести жилой комплекс и расселить жителей.

Бильмер, Амстердам

Район Бильмер в Амстердаме (Нидерланды), построенный между 1966 и 1975 годами, представляет пример неблагополучного района с более комплексным подходом к решению проблемы[5]. Многоквартирные дома, образующие в плане узор из шестиугольников, располагались внутри крупной зеленой пешеходной зоны, свободной от движения транспорта, для которого были возведены надземные магистрали с прилегающими парковками (рис. 8). Строительство жилых единиц было завершено задолго до введения в эксплуатацию объектов инфраструктуры, в том числе метро. Внутрирайонные пешеходные пути и общественные пространства, лишённые транспорта и удобств, считались небезопасными уже в первые годы после окончания строительства. Несмотря на первоначальные очереди желающих жить в новом районе, к 1971 году часть квартир оставалась свободной: жители Амстердама предпочли переехать в односемейные дома развивающихся пригородов. На протяжении последующих лет сильно вырос уровень преступности, четверть квартир опустела, а сам район стал ассоциироваться с социальным неблагополучием.

Безуспешные пространственные, социальные, организационные попытки 1975–1990 годов улучшить ситуацию в районе привели к решению перестроить часть района, чтобы создать привлекательный положительный образ (рис. 9, 10). Жителям, находящимся в уязвимом социальном положении, была предоставлена возможность улучшить свои жилищные условия, а более обеспеченной части населения – широкий выбор различных видов жилья в своем же районе. Изменение генерального плана района предполагало не только замену типологии жилых домов, но и расширение и смешение функций района – жилья, бизнеса, отдыха, торговли. Реконструкция предполагала добавление торговых центров, социальных и коммерческих функций, уменьшение поверхности проезжей части и реорганизацию общественных пространств.

Обновление Бильмера было призвано усилить социальную позицию его жителей в отношении образования, трудовой деятельности, здоровья, общественной жизни. Семьям, вынужденным переезжать из-за реконструкции, была предоставлена возможность выбора жилья в этом же районе. Около 2/3 семей приняли решение остаться жить в Бильмере, что можно считать успехом проведенных мер.

Часть квартир в сохранных домах была успешно перепозиционирована для других целевых групп рынка – студентов, молодых художников и фрилансеров, создав новый яркий образ района.

Принимая во внимание необходимость усиления жизнеспособности (livability) района, была поставлена задача убрать существующее разделение на функциональные зоны. Размещение коммерческих пространств в цоколях зданий должно было стимулировать развитие местного бизнеса и локальной занятости. Торговые центры и рынки из подземных пространств были перемещены к фронту улиц для увеличения пешеходного потока вдоль них и обеспечения постоянного наблюдения. С этой же целью, а также для улучшения транспортной доступности, внутрирайонные улицы и проезды были опущены на уровень земли.

Неконтролируемые открытые пространства были реконструированы в соответствии с требованиями CPTED. Процент открытых общественных пространств сокращен на 40%; на их месте построены детские сады, игровые площадки, наземные парковки, искусственные водоёмы. Густая непросматриваемая растительность прорежена, часть зеленых территорий превращена в городской спортивный парк, а другая – в природный парк с большим числом водоёмов.

Использованные средства реконструкции можно разделить на несколько групп: социальные (расширение типологии жилья), экономические (улучшение условий для развития бизнеса), средовые (реконструкция парковых зон в соответствии с требованиями безопасности). Успех проведенных мер во многом обязан их социальной направленности: работа со сложившимся сообществом и привлечение новых социальных групп положительно сказалась на образе района Бильмер.

^ Рис. 10. Схема реконструкции Бильмера (2013). Новые здания (розовый), реновация (коричневый), запланированное строительство (фиолетовый). – URL: <https://saboadvies.nl>

Ново-Ленино, Иркутск

Ново-Ленино – район Иркутска, который часто занимает первые места в различных анти-рейтингах: от списка самых грязных районов [14] до рейтинга наиболее опасных. В отчете начальника МУ МВД России «Иркутское» [15] указывается, что наибольшая криминальная активность в городе за 12 месяцев 2019 года отмечается в Ново-Ленино и предместье Марата. Учитывая специфику предместья Марата – большое число ранее судимых граждан в связи с нахождением на территории района СИЗО, наиболее подходящим для рассмотрения с точки зрения влияния градостроительных характеристик является Ново-Ленино. При этом, как показали проведенные в рамках исследования интервью, жители самого Ново-Ленино чаще склонны отрицать проблему высокого уровня преступности в их районе.

Нужно отметить, что Ново-Ленино – развивающийся район, который с самых первых лет своего существования переживал как периоды стагнации, так и моменты подъема. Строительство транссибирской магистрали в 1890-е гг. положило начало активному развитию территории будущего Ленинского административного района Иркутска. Вокруг станции Иннокентьевская (сейчас – Иркутск-Сортировочный) стали развиваться поселки, возникшие еще в XVII–XVIII вв. возле Вознесенского мужского монастыря. С 1940-х на территории Ново-Ленино стала вестись комплексная застройка индивидуальными жилыми домами [16].

Массовая жилая застройка района Ново-Ленино началась в 1960-е годы, когда было принято решение о строительстве нового микрорайона в Иркутске, страдавшего в то время от дефицита жилья. Автором масштабного проекта стал Евгений Борисович Пхор. В основе композиции был заложен принцип свободной планировки. Стремление открыть пространство дворов природе повлияло на формирование больших зеленых пространств.

На основе исследования периодов застройки района (рис. 12), интервью с его жителями и анализ публикаций по его истории [17; 18] и динамике показателей преступности авторами была рассмотрена траектория роста и падения популярности Ново-Ленино среди жителей Ир-

^ Рис. 11. Ретроспективная модель развития района Ново-Ленино

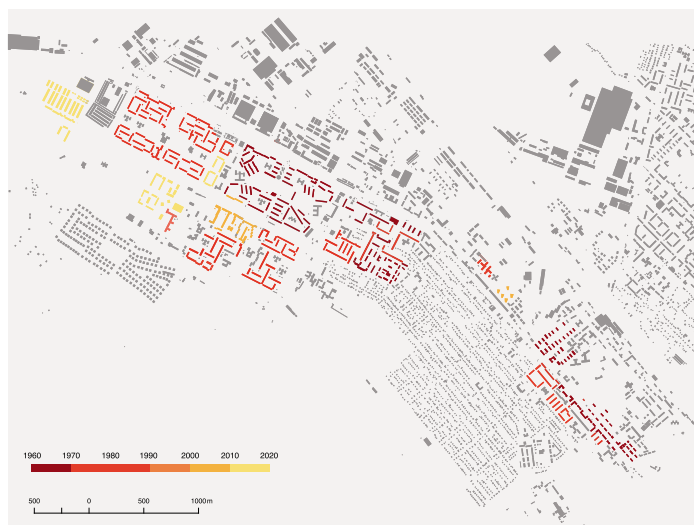
кутска и предложена ретроспективная модель развития района, включающая 5 характерных временных этапов (рис. 11) (временные границы этапов показаны приблизительно).

Как отмечал сам Е. Б. Пхор, «выпихнутые из города жилищной нуждой, здесь люди мучились из-за плохого транспорта и дырявого обслуживания» [19].

Промышленная зона по другую сторону улицы Розы Люксембург заработала позднее, а до тех пор жители были вынуждены ездить на работу в центральную часть города.

Отдаленность района от центра города усугубляла ситуацию, в которой оказались новые жители. По словам автора проекта, уже в 1965 году в объявлениях об обмене жилплощади указывали «согласен на любой район, кроме Ново-Ленино».

Тем не менее, по мере появления социальной инфраструктуры и создания в районе мест приложения труда, жизнь ново-ленинцев постепенно становилась все менее зависимой от центральной части города, когда в начале 90-х произошел резкий спад производства и большая часть жителей лишилась работы. С 70-х годов одним из основных предприятий промышленной части района являлся завод по производству транзисторов «Радиян», представлявший около 5 тыс. рабочих мест [20]. Упадок этого, а также многих других предприятий, в 1990-е годы сильно снизил статус района Ново-Ленино. Четкое функциональное зонирование при деградации промышленной зоны оставило населению района возможность использовать его только как место жительства. Удаленность Ново-Ленино от рабочих мест и по-прежнему уступавшее другим районам Иркутска качество социальной и транспортной инфраструктуры повлияли на снижение статуса района в городе. Вероятно, происходил тот же процесс, что и в самом начале его существования – недостаток рабочих мест вынуждал жителей к каждодневным длительным поездкам на работу за его пределы. Вследствие этого жители, имевшие такую возможность, переселились в другие районы, расположенные ближе к центру города. Строительство новых жилых площадей в Ново-Ленино почти полностью прекратилось до начала 2000-х (рис. 12).

^ Рис. 12. Периодизация застройки Ново-Ленино (1960–2020)

^ Рис. 13. Районы неформальных территориальных групп Ново-Ленино (1990-е)

Обособленность Ново-Ленино повлияла на сегрегацию жителей района в пространстве города. Концентрация малообеспеченных групп населения, легче поддающихся соучастию в действиях антиобщественной направленности, не могла не сказаться на возросшем уровне преступности. Молодежь группировалась в банды по территориальной принадлежности, происходило деление на враждующие группы внутри самого района. На основании интервью с известным иркутским журналистом и жителем Ново-Ленино Андреем Колгановым была составлена карта зон влияния 4 известных групп: Подстанция, Тагил, Багдад, Свинарник (рис. 13). Тяжелый период 1990-х годов сформировал для Ново-Ленино вполне оправданную на то время репутацию самого опасного района Иркутска.

В 2000-е годы в районе произошел своего рода «ренессанс», связанный с началом интенсивного строительства нового жилья на свободных территориях, в основном в юго-западной части Ново-Ленино за ул. Баумана, в том числе – ведомственного. Это привело к усложнению социального состава населения, развитию системы коммерческого обслуживания, строительству ряда новых объектов социальной инфраструктуры. Однако затем Ново-Ленино все больше становится местом строительства жилья для жителей центральной части Иркутска, переселяемых из сносимых в центре города жилых зданий. И в наши дни отдаленность района и его сложившийся неблагополучный образ влияет на стоимость жилья, одну из самых низких в городе [21], привлекая в район менее обеспеченных жителей.

Подобная пространственная и экономическая сегрегация обусловлена нераскрытым потенциалом района. Территории, предоставляющие меньше возможностей для удовлетворения потребностей жителей, становятся местами концентрации неустойчивых социальных групп. Представленные примеры – Pruitt-Айгоу и Бильмер, выбранные исходя из близкого периода строительства, сопоставимого масштаба территории и общности удаленного положения по отношению к центру города, имели много схожих с Ново-Ленино уязвимых пространственных характеристик, которые привели к высокому уровню преступности.

Среди них такие градостроительные характеристики, как изолированность, слабо развитая транспортная и пешеходная сеть, монофункциональное зонирование, несоответствие среды района потребностям различных социальных групп, большие неорганизованные общественные пространства. Воздействие перечисленных характеристик не происходит в момент попытки совершить преступление, они имеют длительное влияние на формирование социальных групп, склонных к поведенческим девиациям.

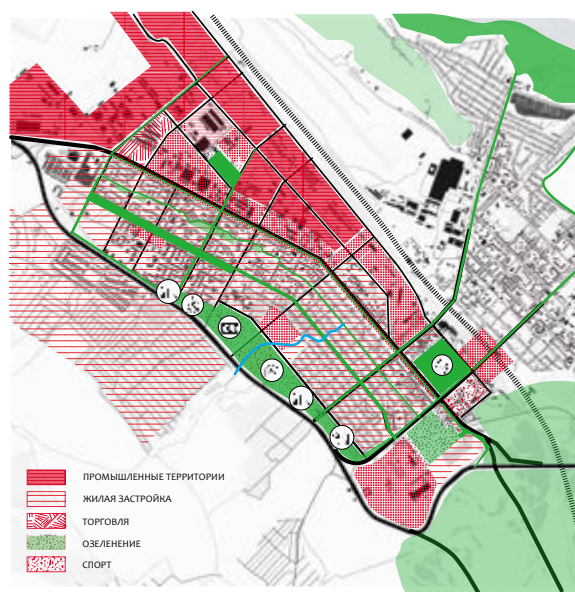
Характеристики дизайна среды, напротив, способны влиять ситуативно. Большие, не насыщенные функциями зеленые пространства, характерные для всех трех проектов, становятся удобными местами преступлений. Усиливает небезопасность подобных мест их непрозрачиваемость как с улиц, так и из окон домов. Стремление архитекторов вынести транспорт за пределы района уменьшает вероятность появления случайного наблюдателя, способного отпугнуть преступника. Запустение и вандализация среды создают ощущение неконтролируемого пространства, где потенциальный преступник может остаться незамеченным.

В подходе к реабилитации районов с высоким уровнем преступности необходимо использовать комплексные меры. Изменения дизайна среды, в зависимости от конкретного случая могут оказаться бесполезными без применения более масштабных мер на градостроительном уровне.

Существенное отличие района Ново-Ленино заключается в том, что по своему значению для Иркутска он должен был стать не периферийным спальным районом, а городом-спутником с масштабной промышленной зоной, в чем заключается его особенный потенциал. Примененные в случае Бильмера методы реконструкции верны по своему принципу и для Ново-Ленино. Необходимо предпринять меры для привлечения новых, более благополучных социальных групп, развития бизнеса и создания комфортной безопасной среды. Решением данных задач для предотвращения дальнейшего упадка может стать преобразование Ново-Ленино из периферии в многофункциональный центр в составе Иркутской агломерации. Это позволит избежать повторения

^ Рис. 14. Схема предложений по реконструкции транспортной сети района Ново-Ленино

^ Рис. 15. Схема предлагаемого функционального зонирования района Ново-Ленино

ситуации 90-х годов, когда коллапс промышленной зоны создал предпосылки к деградации жилой территории, а удаленность района и монофункциональность жилой части – к отсутствию условий для создания здесь новых рабочих мест в масштабах, позволяющих компенсировать их резкое сокращение в промышленной зоне. Преимуществом Ново-Ленино является и сопоставимость большей части его застройки человеку.

Одна из главных градостроительных проблем района – его изолированность, способствующая сегрегации и формированию анклавов, внутри которых концентрируются социальные проблемы. Решением может стать увеличение связанности района с центром Иркутска и районом Иркутск-II, обеспечение удобных маршрутов к станциям железной дороги, что поможет улучшить социальную интеграцию жителей района и увеличит общественную активность (рис. 14). Существенное значение имеет создание новых центров района с целью формирования его положительной идентичности. Таким центром может стать улица Розы Люксембург, если уменьшить ее транзитную функцию. Подлежит реконструкции и улица Баумана, которая станет частью системы зеленых пространств и общественных центров, создаст возможность для развития социальной жизни жителей. Смещение функций в пространстве района будет способствовать экономическому развитию, а реконструкция и насыщение функциями производственной части Ново-Ленино позволят также ликвидировать «страх преступления», который часто сопутствует неорганизованным промышленным территориям (рис. 15).

Внесение изменений в среду района для ситуативного предупреждения преступлений требует дополнительных исследований для идентификации мест их локализации. Применяемые меры должны быть направлены на решение проблемы слабого использования общественных пространств: следует создать условия для возможности появления случайного наблюдателя, способного предотвратить преступление. Комфортные пешеходные маршруты, расположенные равномерно по территории точки притяжения (кафе, магазины, услуги, рекреационные пространства, объекты культуры и др.) благоприятствуют использованию общественных пространств жителями.

Коммерческое использование первых этажей зданий также уменьшает вероятность совершения преступления на прилегающей территории. Озеленение района должно быть подобрано таким образом, чтобы обеспечить просматриваемость со стороны улиц и не допустить формирования укрытия для преступника. Пространства, спроектированные для конкретных групп пользователей и разделенные по видам активности, способны предотвратить возникновение конфликтов. Идентификация, чувство связи жителей с окружающим их пространством усиливает их ответственность за территорию района.

Результатом реконструкции Ново-Ленино должно стать преобразование района в новый полноценный центр в структуре Иркутской агломерации (рис. 16) и формирование его положительного образа. Необходимо уделить особое внимание развитию социальной инфраструктуры района и его интеграции в пространство города как градостроительным факторам, препятствующим формированию сообществ криминальной направленности. В этом случае не только будет исключена дальнейшая деградация района Ново-Ленино, но также получен новый ресурс для развития всей агломерации в целом.

В заключение авторы хотели бы выразить благодарность депутату Законодательного собрания Иркутской области от избирательного округа № 3 А. А. Красноштанову и депутатам Думы города Иркутска от избирательных округов № 1, 3, 5 С. П. Кузнецовой, Д. В. Ващуку, Л. Д. Усову, их помощникам и представителям за открытое и разнообразное обсуждение проблем и перспектив развития района Ново-Ленино, несмотря на то, что наши оценки не во всем совпадали. Наша искренняя признательность вице-президенту Союза архитекторов России, сопредседателю Сибирского отделения САР Е. И. Григорьевой, руководителю анти-кафе «Патидом» в Ново-Ленино, журналисту А. Колганову, социологу, жителю и исследователю Ново-Ленино А. Бондареву, директору АНО «Центр независимых социальных исследований и образования» (ЦНСИО) М. Я. Рожанскому, координатору проектов ЦНСИО и руководителю проекта «Город иначе» Е. Коркиной, генеральному директору Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета А. Кострубовой и ее заместителям А. Косолаповой и Е. Гладковой,

< Рис. 16. Ново-Ленино как новый центр Иркутской агломерации

заведующему кафедрой архитектуры и градостроительства ИРНТУ профессору Е. В. Пуляевской и сотрудникам кафедры за поддержку и помощь в проведении исследования района Ново-Ленино.

Литература

1. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 21–176
2. Институт «Урбаника». – URL: <http://urbanica.spb.ru> (дата обращения: 15.07.2020)
3. URL: <https://rg.ru/2011/08/15/raiony.html> (дата обращения: 15.07.2020)
4. URL: <https://tv.yandex.ru/program/3852490> (дата обращения: 15.07.2020)
5. URL: <https://failedarchitecture.com/the-story-behind-the-failure-revisioning-amsterdam-bijlmermeer/> (дата обращения: 15.07.2020)
6. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тяп-Ляп> (дата обращения: 15.07.2020)
7. Меняйло, Д. В., Иванова, Ю. А., Меняйло, Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 107–111
8. URL: <https://38.mvd.rf/deyatelnost/otcheti>
9. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. – Москва : Strelka Press, 2016. – С. 142–176
10. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 32–52
11. Mihinjac, M., Saville, G. Third-Generation Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED) // Social Sciences. – 2019. – Т. 8. – № 6. – С. 182
12. Кияненко, К. В. Социология устойчивости против архитектуры сегрегации // Архитектон: известия вузов. – 2015. – № 1 (49) – С. 32–49
13. URL: <https://reality.rbc.ru/news/577d2b1b9a7947a78ce946ce> (дата обращения: 15.07.2020)
14. URL: <https://www.irrk.kp.ru/daily/26341.4/3224066> (дата обращения: 15.07.2020)
15. URL: https://altairk.ru/new/incident/bolshe_vsego_prestupleniy_v_irkutskse_sovershayut_v_novo-lenino_i_predmestemarata (дата обращения: 15.07.2020)
16. Дорофеев, П. Микрорайонные структуры 1960–1970-х годов в Иркутске. // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 238
17. URL: <https://gorodinache.org/v-kakom-nibud-novo-lenino> (дата обращения: 15.07.2020)

18. Анисимов, А. Г. Городское планирование как способ профилактики молодежной корыстно-насильственной преступности // Пролог: журнал о праве. – 2014. – № 3. – С. 34–40
19. Пхор, Е. Б. Наш Иркутск, предыстория // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 204–213
20. URL: <https://www.radian-holding.ru/about/> (дата обращения: 15.07.2020)
21. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/our-life/339397-irkutsk> (дата обращения: 15.07.2020)

References

- Anisimov, A. G. (2014). City planning as a method of preventing youth mercenary. *Prolog: Journal about Law*, (3), 34-40. doi:10.15727/2313-6715.2014.2.3.34-40
- Bondareva, S., & Bondarev, A. (2019). V kakom-nibud Novo-Lenino [In some Novo-Lenino]. *Gorod inache*. <https://gorodinache.org/v-kakom-nibud-novo-lenino>
- Dorofeev, P. (2014). Neighborhood structures of the 1960s-1970s in Irkutsk. *Project Baikal*, 11(39-40), 238. doi: 10.7480/projectbaikal.39-40.687.
- Gilinsky, Ya. I. (2004). *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubijstv i drugih "otkloneniya"*. [Deviantology: the sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other "deviations"]. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press.
- Institut "Urbanika" [Institute "Urbanika"] (n.d.). <http://urbanica.spb.ru>
- Kiyanenko, K. (2015). Sotsiologiya ustoychivosti protiv arhitektury segtegatsii [Sociology of Sustainability versus Architecture of Segregation]. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 1(49).
- Menyaylo, D. V., Ivanova, Yu. A., & Menyaylo, L. N. (2019). АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения. [AWO - criminal youth movement: the essence and methods of distribution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 3, 107-111. doi:10.24411/2073-0454-2019-10145
- Mihinjac, M., & Saville, G. (2019). Third-Generation Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED). *Social Sciences*, 8(6), 182. doi:10.3390/socsci8060182
- Milgram, S. (2000). *Eksperiment v sotsialnoy psihologii*. [Experiment in social psychology]. St. Petersburg.
- MVD nazvalo samye kriminalnye raiony Irkutsk [The Ministry of Internal Affairs announced the most criminal neighborhoods in Irkutsk] (2018, March 28). *i38.ru*. <https://i38.ru/obschestvo-obichnie/mvd-nazvalo-samye-kriminalnye-rayoni-irkutsk>
- Pkhor, E. B. (2014). Our Irkutsk, the Background. *Project Baikal*, 11(39-40), 204-213. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.684
- Тяп-ляп. In Wikipedia. Retrieved July 15, 2020, from <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тяп-Ляп>
- Wirth, L. (2016). *Urbanism as a way of life*. Moscow: Strelka Press, 142-176